

Эльнара Браништи

На переходе из Нави в Явь

Засквозил родник в моей груди
Над твоим течением ревушим:
Слишком много боли позади,
Слишком много радости в грядущем.

Ты могучей силы не щади,
Разломи зимы стальное иго,
Сколько хочешь буйствуй и чуди,
Крокодильей чешуёю двигай.

Сбрось с груди натруженной свой плен
И неси его, чтоб льдины мялись —
Там, где правит лодкой старый Гленн
И поёт задумчивая Айрис.

Розовым, как детская слеза,
Проблеснёт береговая дужка.
Выйдет к кромке серая харза,
Пролетит беззвучная кукушка.

Мы с тобой на снежные слои
Выскользнем из ельника густого,
Как из уст — негаданное слово,
Искреннее, полное любви.

И так резко в детской простоте,
Что вспорхнут от страха зимородки,
Мы махнём чуть движущейся лодке,
Так, как машет вечность суете.

На переходе из Нави в Явь
Ты от раздумий меня избавь:
Кто мы? Зачем мы? Враги? Друзья?
И что нам можно, а что нельзя.

Всё чаще я прихожу к реке
И вижу старца на челноке.
И он не знает, угрюм и тих,
Зачем мне править к земле живых.

Пахнет перцем и инжиром: я в Баку.
Глаз о балку приложила на скаку.
Дело в том, что на кровати было сорок тюфяков —
Кто б не стал одолевать их
В пять годков?

Юбке джинсовой с воланом сносу нет.
Также нет воды под краном: мало бед.
Но зато какой квадратный сахарок
К чаепитию мне дядя приберёт.

Дом на улице наклонной — угловой,
Вот и скачет попрыгун по мостовой.
— Мама, сливу наливную, как янтарь,
Из окошка на дорожку передай.

Во дворе с горы стекают ручейки.
Выйдешь в город — леденцы и пирожки.
С темнотой на теплоходе мы катаемся в порту.
Мама злится на погоду, на режим и духоту.

На линованной гравюре — облака.
— Мама, мама, разве Каспий — не река?
Ты покажешь, как звучит старинный саз?
— Уже поздно, спи, малышка. В другой раз.

О, он не судит, не мыслит зла,
Не слышно брызг от его весла.
За ним — дорожка из серебра.
Я с ним спокойна, я с ним добра.

Река приятна, пространен путь,
И всех событий прозрачна суть.
Одна задача мне нелегка —
Сходить на берег из челнока.

Опустел дом отдыха,
Нам ещё неделя.
Съехала подружка —
Мы недоглядели.

Не зовёт дорожка,
Что в луга вела.
На окне в столовой —
Мёртвая пчела.

Вылинял зелёный
У берёз подол.
У девиц осенних —
Грустный ореол.

Хочется читать
Веркора и Моэма.
Хочется писать
Слезливые поэмы.

Хочется для фильма
Сочинить сюжет
И обнять девчонку
В девять с лишним лет.

Где-то в Белокурихе,
В уличной кафешке,
Девочка смакует
Лимонад без спешки.

Опустел дом отдыха,
Ей ещё неделя.
Как всегда, родители
Швепсу захотели.

Столько в сердце радости,
Столько в сердце грусти,
И любовь шемаящая
Долго не отпустит

К людному бульвару,
Что вдруг опустел,
К тем, кто улетает,
К тем, кто улетел.

Хочется шепнуть ей:
Ты держись, добряк.
Будет всё неладно,
Будет всё не так.

Будет даже хуже.
Будет ад, малыш.
Но ты передюжишь,
Но ты устоишь.

И худой, беспокойный охотничий пёс,
И сияющий пух её рыжих волос
Предвещали чудесную осень.
У неё был чудесный глазастый малыш:
Он следил, как мелькает закат между крыш,
Он был очень недетски серьёзен.

И ботинки, и джинсы, и плащ, и рюкзак
Много видели в жизни ночёвок в лесах,
Но сегодня придут на закате.
У неё чуть обветрена кожа лица,
Но глаза излучают покой без конца,
И на лбу нет усталой печати.

Там, где пахнет лишь дымом и палой листвой,
Лес дарил ей покоя и силы с лихвой,
Насыщал тишиной и прохладой.
Она шла через чащу берёз без конца,
Сучковатые ветви касались лица,
Рвали волосы ей без пощады.

Поднималась уступами каменных гор,
Опускалась оврагом в осенний шатёр,
Осторожно ступала на спусках.
И, нехитрый мотив себе под нос урча,
Набирала в бутылку воды из ручья
И поила водой карапуза.

И, по вороху листьев носясь и шурша,
Пёс ловил свою белку, она — малыша,
А потом доедали печенье.
Было так хорошо на обратном пути
Постоянно под гору вприпрыжку идти,
Вспоминая свои приключения.

И, набрав мелких яблочек целый пакет,
Сесть втроём, за один рассчитаться билет
И ловить недовольные взгляды.
И дышать светом жизни и свежестью дня,
Будто выпив все краски из жил сентября
И расхитив небесные клады.

Будто солнце в глазах, будто ветер в устах,
Будто пламя ночного огня в волосах,
Будто музыка птичьего гвалта...

— Отойдите!
— Пустите!
— Не стойте в дверях!
— Вы дитя уронили с подножки!
— Ох! Ах!
— До чего неуклюжая халда!

● ● ●
Если я и была перед кем виновата,
То теперь моя совесть чиста.
Восхваляю небеса: я дошла до заката,
Обойдя все четыре креста.

Мне холмы открывали пологие длани,
Деревеньки виделись вдали.
И проделанный путь я видала в тумане,
На границе небес и земли.

Чья-то лошадь в бурьяне меня провожала,
И ручьи грохотали в логу.
И казалось, уже не дойду я в начало
И примет отыскать не смогу.

Я попала в тупик, этот путь мне неведом.
Но смотрю, пробирается вслед
Человек со ржавеющим велосипедом,
В козырьке незапамятных лет.

И старательно бьёт отворотом газеты
Луговых паутов и шмелей.
И под мерный поток стариковской беседы
Провожает меня до людей...

Я ещё возвращусь непременно когда-то
К этим скромным укромным местам,
Чтобы с кем-то вдвоём побродить до заката
И венки положить ко крестам.

● ● ●
Мелкий град барабанит трескливо и часто,
Рассыпается белой крупой.
Кто-то будто бы крошит кусок пенопласта
И бросает его над землёй.

Ты была до того просветлённой и грустной,
Говоря мне со вздохом вчера:
«Будет снег. У меня неотступное чувство,
Что вернётся лихая пора».

Но я верю, мы сможем спокойно и гордо
Встретить вызов тяжёлых минут.
Посмотри-ка — на залитом солнцем пригорке
Уж кукушкины слёзки растут.

● ● ●
Этих лиственниц тихие тени
Здесь стояли всегда в стороне.
Но сегодня в лесу наводнение,
Я ногою скользю по волне.

Океаны бесцветных иголок,
Как опилки, засыпали сад.
Через них, как нагруженный волок,
Тащит мальчик пустой самокат.

И повсюду букет благовоний
Источают иголок слои,
Будто небо земле на ладони
Уронило богатства свои.

И, внезапной охвачена немью,
Я сгребаю иголки в бугры.
Я хочу целовать эту землю
За её золотые дары.

● ● ●
Здесь нету радости и летом,
Мы одиноки в мире этом.
Лишь пыль веков, да ширь столов,
Да трещина во всё стекло.

Пришли рабочие без спросу
И завели электрокосы.
И ты твердишь: ну, где Кольцов?
И написал бы про косцов.

А роза тихо облетает,
Никто за ней не подметает.
Ей выжить требует труда,
Ей слишком ржавая вода.

А в тишину зарылся дьявол,
И, кажется, я знаю дао:
Разбить стекло, заткнуть мотор,
Начать здоровый разговор.